

Сердцем вижу вас...

Жизнь человека, о котором надо писать роман, попробуй-ка изложить в газетных заметках. Давно знаю Бориса Зайцева и не могу не рассказать о нем. И пусть не посетуют сам герой и читатели, что многое, как говорится, осталось за кадром...

В СОЗНАНИЕ Борис пришел через двадцать два дня после ранения. Он тяжело приподнял голову и тревожно спросил:

— Где я?

Не слышал, как подошла девушка в белом халате.

— Где я? — Борис попытался смахнуть рукой с глаз повязку.

Медсестра отвела его руку: — Не волнуйся, ты в госпитале.

— Ничего не вижу... Зажгите свет. Да зажгите же свет! Сняли повязку, но он упорно просил зажечь свет.

Однополчане рассказывали, что случилось это под Кенигсбергом. Во время атаки оборвалась связь, нужно было ее восстановить. Чтобы выиграть время, сержант Зайцев с двумя бойцами бросился к месту разрыва напрямую. Вот уже у цели... И в это время — взрыв.

Сибиряк остался жив — без обеих ног, тяжело контуженным, а теперь, стало ясно, еще и слепым. Все это произошло за два шага до Победы. Нужно было жить, не видя дня.

...Давно отгрезмели бои, а для Зайцева продолжалось сражение — с поражениями и победами. На помощь пришли сила воли и талант медиков. Десятки операций. Год — в разных госпиталях Москвы. Лицо заросло клокочающей бородой. Фабричные девушки — шefы госпитала — предлагали: «Дедушка, давайте поможем вам написать домой письмо». А дедушке шел двадцатый год...

По ночам, просыпаясь, уносился мысленно в далекую Сибирь, где родился и провел незабываемые годы детства и отрочества на берегах Ангары. Деревню окружала тайга. Борис вместе с отцом валил лес, возил его на пристани. Помогал бакенщикам. Красавица река зачаровала его, и сейчас даже слышал шум ее. Вспомнилась мечта детства: стать капитаном, водить суда по быстрой Ангаре.

Бойна похоронила мечту.

В ВОЕНКОМАТЕ, несмотря на упорные просьбы, сказали: «В шестнадцать лет? Рано. Будет время — позовем».

Со своим другом Нилом пробрались до Сталинграда, где у Нила были родственники. Дальше, к фронту, их не пустили, а направили с командой солдат в полковую школу связистов в... Красноярск. Отсюда, оказалось, фронт стал «ближе». Здесь приглянулся он веселой сибирячке Пане.

Первый бой был под Вязьмой. Вместе с боевыми друзьями привел «языка». Потом — Смоленск, где ему с катушками на спине пришлось переплывать освещаемый ракетами Днепр, чтобы восстановить связь. Добрался, связь установил, помог товарищам отбить атаку. Получил легкое ранение, но остался в строю. Вскоре связисту вручили первый орден...

Осторожно достал Борис из-под подушки последнее письмо Паны. Все потерял, а письмо «выжило». Не может его прочитать, но помнит наизусть. Успел в тот же день ответить. И тоже помнит каждую строчку своего «треугольника»: «Прошу тебя, пришли мне свое фото. Меня направляют на курсы лейтенантов... Знай, что я помню о тебе всегда и встречусь с тобой, где бы ты ни была».

Где бы ты ни была! Снова и снова видел он белокурую, смешливую сибирячку... Как сообщить о себе? Нужен ли он ей — вот такой, если даже ходить надо учиться заново. Ему подобрали протезы. Первый раз встал, сделал шаг, и — резко качнулась земля. Сцепив зубы, сказал:

— Все равно пойду...

Пана разыскала его, полжив конец колебаниям телеграммой: «Приезжай! Что бы ни случилось — все равно жду. Люблю. Крепко целую».

Не знал тогда Борис, как отец Паны уговаривал дочь не губить свою жизнь, не спешить с замужеством. Дочь впервые не послушалась отца. То, что ждало ее впереди, смело назову подвигом.

Однажды зимним вечером в окошко комматушки Паны кто-то тихо постучал. Она тревожно выскочила на улицу. Увидела двух мужчин в шинелях. С криком «Борис!» бросилась к худому, с черным зубом из-под шапки.

Как-то Пана сказала:

— Я была в музыкальном училище, там будет группа незрячих. Тебе можно учиться... По классу баяна.

— Не знаю, как бы повернулась моя судьба, не будь рядом такого друга, — говорит Борис Петрович. — Наверное, не вышел бы на сцену...

Но до сцены путь был далек и нелегок. Израненная рука не позволяла подолгу играть, мучительно трудно было выдерживать уроки, но Борис не подавал виду, что страдает, а нередко даже подпевал в такт. Педагог Клара Львовна Киселева заметила это. Ей понравился голос юноши, и она попросила его спеть в присутствии преподавателей. Все тогда высказались, чтобы Бориса перевести в класс вокала. Теперь он учился петь. После училища, получив приглашение, выдержал экзамен в Московский институт имени Гнесиных. Но в это время усилились боли в глазах.

Видя мучения незрячего студента, Зайцеву посоветовали продолжить занятия в Одесской консерватории. Учился прилежно, с упорством впитывал знания, богатство опыта мастеров. После выпускных экзаменов его приглашали в филармонию, в ансамбли, но он стеснялся, все еще не решаясь выйти на сцену. Как его, такого, примут?

Однажды предложили выступить на заводе. И он тогда впервые понял, что примут его хорошо, что его песни нужны людям. И вот уже более тридцати лет он радуется слушателей своим пением. В его мелодиях звучат мужество, чувство дружбы и красоты, сыновья любовь к родной земле. Он подготовил двадцать три сольные программы. Ему присвоили звание заслуженного артиста Украинской ССР.

УВЕРЕННОЙ «морячкой» походкой вышел артист на сцену. Красив, подтянут, с серебрянками седины в черных кудрях. Улыбнулся, аплодисменты волнами покатались по залу. Многие здесь были три года назад на концерте Бориса Зайцева и, прослышав, что он приехал, снова пришли. Всех не вместил зал Дворца культуры в подмосковном Одинцово, и десятки людей остались в фойе слушать трансляцию. Зал замер. Начался 1500-й концерт певца.

От имени тех, кто «обелиском стал и песней чистое», певец мужественно обращается к их молодым сверстникам:

«Я говорю с тобой из сорок пятого.

Взгляни на снимок: я на нем живой.

Не допусти же вновь войну проклятую!

Пусть будет мирным небо над тобой!»

Весь зал встает и в едином порыве подхватывает песню, которую с потрясающей силой поет Б. Зайцев, страшной ценой выстоявший, когда «земля стонала... и мы за жизнь вели жестокий бой». Вот затихают последние слова «Нам бы жить да жить, жить бы да любить, этот мир беречь на Земле!», и на сцену поднимается однополчанин певца Герой Советского Союза С. Богомолов.

...Рядом со мной сидела Пана Яковлевна, волнуясь за

Бориса Петровича. Она-то знает, как нелегко дается ему каждый концерт. Взрыв в сорок пятном часто напоминает о себе. И порой, придя за кулисы после двух часов концерта, певец в изнеможении садится в кресло и долго отдыхает. А завтра снова выходит на сцену, чтобы петь и петь. Едет в самые дальние дали. Ему аплодировали в Кисеве, Свердловске, Хабаровске, Донецке, Архангельске, Красноярске, Тюмени, Норильске, на стройках БАМа, в городах и селах Польши...

— Никогда не забыть, — вспоминает Пана Яковлевна, — выступлений во время встречи ветеранов родной пятой армии. Борис с особой радостью пел. На высоком подъеме закончил песню: «Хотя не вижу вас глазами, я сердцем вижу вас».

Что происходило в зале — трудно передать. Волнение охватило всех. Ведь многие считали Зайцева погибшим, а он жив, он поет. С возгласами: «Борис!» — двое пожилых мужчин бросились к сцене. Борис Петрович узнал их по головам: «Родные мои...» Василий Бегинин и Александр Шаламов... Это они, рискуя жизнью, ночью на минном поле разыскали в воронке почти бездыханного Бориса.

НОЧЬЮ Борис услышал гром. «Неужели гроза в декабре?» Но потом понял, что бьют «Катюши». «Да, да, — выглянув в окно, подтвердила Пана, — летят огненные стрелы». Где-то близко шел бой. Так началась концертная поездка по Афганистану. Зайцева отговаривали: «По силам ли тебе будет?» Но он стоял на своем: «Я там нужен. Обузой для коллег не стану!» И, по общему отзыву, Борис Петрович и Пана Яковлевна показали пример выдержки и смелости.

Встречали выступления ветерана-солдата с восторгом, особенно когда звучали мелодии Великой Отечественной войны, песенные приветы Родины. Каждый день в пути.

Зайцев стремился побывать в госпиталях, старался подбодрить раненых воинов-интернационалистов, по их просьбе пел в палатах, рассказывал о фронте. Но как-то его безмолвно встретили в палате трое солдат, раненных в глаза.

«Если я сумел найти место в жизни, то вместе и вы» — этими словами начал разговор с юношами. Повязки на глазах мешали им увидеть вошедшего, но они быстро поняли, что это их побратим. Пел о друзьях-фронтовиках, о Родине так, как, кажется, не пел никогда. Борис Петрович подошел к каждому, а одному, сняв с руки, подарил часы, специально сделанные для незрячих.

— Надевай, браток, — обнял парня. — А потом, когда выздоровеешь, передай другому незрячему. Не отчаивайся, вылетай, сейчас такие чудеса делают... Пишите, приезжайте ко мне...

Много адресов записал Борис Петрович. А на прощанье спел «Веселую кадрили». Задорные слова, так и просился танец. Хорошо бы. Но возможно ли? Зайцев к этому готовился долго. Держась за стену, отработывал шаг за шагом. И взял еще одну высоту. И, кончая песню, начал танцевать.

— Кто это танцует? — спросил один из раненых. И услышав, что поет и танцует Борис Зайцев, боец удивленно добавил: «Вы же на протезах?»

ЗА ДАЛЬЮ — даль... Идет по жизни человек, не сдвигаясь перед тьмой. Он любит шум моря, запах лугов, пение птиц, голоса людей... Он — человек светлого мира. У него тысячи друзей. Его песни знают и любят. В них — не только слова и мелодия. В них — бьется душа человека, который выстоял.

М. СТЕПИЧЕВ.
(Спец. корр. «Правды»).

28

ПРАВДА

г. Москва

АВГ 1987